

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – 1-е изд-е: СПб.: Норинт, 1998.
2. Зорин И.В., Квартальнов В.А. Энциклопедия туризма. Справочник. // И.В. Зорин, В.А. Квартальнов. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 368 с.
3. Мироненко Н. С., Твердохлебов И. Т. Рекреационная география. // Н.С. Мироненко, И.Т. Твердохлебов. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1981 г. – 207 с.
4. Оборин М.С. Концептуальное содержание понятий «рекреация» и «туризм»: общее и различное / М.С. Оборин // Вестник Тюменского государственного университета. № 4. – 2011 – Тюмень. – С. 200-206.
5. Орлов А.С. Социология рекреации. / А.С. Орлов. – М., 1995. – С.3.
6. Реймерс Н. Ф. Охрана природы и окружающей человека среды: Словарь-справочник. / Н.Ф. Реймерс. – М.: Просвещение, 1992. – 320 с.
7. Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / гл. ред. А. Н. Прохоров. – Научное изд-во, 2000. – 1024 с.
8. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля /под ред. А. И. Бодуэна Куртене. Издатель: С.-Петербург – Москва: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. – 808 с.

Федюнина И.Э.

к.ф.н., НИУ «БелГУ», Россия

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИДИОМ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «РАЗГЛАШЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье анализируются особенности внутренней формы и оценочного значения фразеологических единиц, объективирующих представления носителей английской, русской и немецкой лингвокультур о разглашении информации. Выявляются факторы, определяющие прагматическое воздействие исследуемых фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, идиома, прагматический эффект, коннотация, внутренняя форма, оценочная категоризация.

Fedyunina I.E.

Belgorod National Research University, Russia

INNER FORM AND AXIOLOGICAL POTENTIAL OF ENGLISH, RUSSIAN AND GERMAN IDIOMS WITH THE GENERAL MEANING “INFORMATION DISCLOSURE”

The article deals with the inner form and attitudinal meaning of English, Russian and German idioms covering the semantic area defined as “information disclosure”. The author seeks to reveal the key factors which determine the pragmatic impact caused by the idioms under study.

Key words: phraseological unit, idiom, pragmatic impact, connotation, inner form, categorization.

Современная лингвистика рассматривает фразеологические единицы (ФЕ) как языковые средства, обладающие высоким когнитивным потенциалом и фокусирует внимание на функциональном, коммуникативном аспекте фразеологической семантики. В этом плане особенно продуктивным представляется когнитивно-прагматический подход к исследованию ФЕ, практикующийся сегодня как отечественными, так и зарубежными исследователями [1, 3, 8, 11]. Такой подход предполагает изучение прагматического воздействия ФЕ, определяющими факторами которого считаются их образность, оценочность и импликационал, в полной мере раскрывающиеся при попадании ФЕ в конкретный контекст. Таким образом, исследование прагматического эффекта ФЕ требует тщательного анализа их внутренней формы, оценочной коннотации и дискурсивного функционирования. Поскольку «...языковые и когнитивные структуры представляют собой две... взаимосвязанные формы репрезентации знаний...» [1: 8], очевидно, что высокий аксиологический потенциал ФЕ может быть особенно полезен для изучения категоризации явлений, при восприятии которых эмоционально-оценочный фактор играет не меньшую роль, чем рационально-логический. К числу таких явлений безусловно принадлежит разглашение информации. Исследование же ФЕ с семантикой разглашения информации на межъязыковом материале видится интересным с позиций как лингвистики, так и межкультурной коммуникации, поскольку оценочная категоризация во многом определяется ценностной ориентацией носителя языка и социокультурными нормами общества, к которому он принадлежит: «субъективно-культурный фактор определяет... категоризацию объекта, выбор ономазиологического основания номинации и признаков объекта, актуализируемых в конкретном высказывании» [11: 117].

В данной статье мы обратимся к исследованию ФЕ-идиом, актуализирующих представления о феномене разглашения информации у носителей английского, русского и немецкого языков (АЯ, РЯ и НЯ). Наше внимание будет сосредоточено на двух фразеосемантических группах (моделях). Первая из них представлена идиомами под семантическим инвариантом «Клевета». Словарные дефиниции клеветы в целом сводятся к понятию дискредитации человека в глазах окружающих посредством распространения негативной информации о нём. Отметим, что крайне неприязненное отношение к клевете является межкультурной универсалией. Примечательно и то, что клевета исторически имела статус преступления (такое положение дел сохраняется и сегодня). Например, в Библии запрет на злословие является одним из самых жёстких, а распространение негативной информации о близких людях по тяжести приравнивалось к убийству. При этом ложность/правдивость информации подобного рода не имела значения.

Идиомы данной группы образованы в основном по общей структурно-синтаксической модели – *обливать кого-л. грязью/ помоями, подмочить чью-л. репутацию, возводить напраслину на кого-л.* (РЯ), *to drag smb/smb's good name through the mud, to cast dirt at sb* (АЯ), *j-n mit Dreck bewerfen, j-n in einem Geruch bringen* (НЯ). Отличительными особенностями этих ФЕ являются повышенная

экспрессивность, а также фиксированная отрицательная оценка. Анализ их внутренней формы даёт три главных ассоциативных образа: «грязь» (*очернить, Mud, Mackel*), «дурной запах» (*Geruch*), «насилие, вред» (*обливать, подмочить, drag, ziehen*), несущие семы агрессии и ущерба. Заметим, что такая образная основа берёт начало в древнем архетипическом противопоставлении «чистый – грязный» и вере в способность злых слов нанести физический вред. Кроме того, имплицитно опасностью для оклеветанного человека быть отторгнутым обществом. Рассмотрим аспекты и закономерности дискурсивной актуализации выявленных семантических признаков.

Первая обнаруженная закономерность такова: при общей негативной оценке клеветы и её последствия видятся под разным углом – как угроза репутации и карьере (практический аспект) и как безнравственный поступок, наносящий душевную травму (эмоционально-нравственный аспект): (1) • -Я не могу вернуться в бизнес. ...у меня *подмоченная репутация*, а для западных партнеров это имеет значение [5: 115]. • Charges like that could destroy the career of one of the finest attorneys in this city... to *ruin this lawyer's good name* [10: 222]. (2) • Что ты говоришь? Чего ради ты *поливаешь помоями* честных людей? Неужели твоя совесть спокойна?! [2: 491] • Es ist schmerzlich, davon zu sprechen, wie man viele Gründungsmitglieder...*in den Dreck zog* [9: 171]. • ... *beastly stink, case not proved, black mark* against an earnest hard-working G.P. [7: 90]. Важно отметить, что носители НЯ чаще склонны акцентировать внимание на практическом аспекте, а носители РЯ – на эмоционально-нравственном (АЯ в этом плане занимает промежуточное положение). Кроме того, НЯ содержит большее количество идиом с семантикой клеветы, и они отличаются большей вариативностью, актуализируя именно признак порчи репутации, потери доверия: *j-n in Misskredit/in Verruff/in böse Leumdung bringen* и.т.п. Полагаем, что это отражает характерную черту менталитета – крайне щепитильное отношение к своей профессиональной и социальной репутации. Тенденция подтверждается анализом контекстов. Исследование дискурсивного употребления ФЕ выявило также актуализацию недоверия и презрения к субъекту клеветы: • Diese Leute können nichts anderes, als ehrliche Menschen *in den Shmutz zu ziehen* [9: 673]. Контексты показывают ещё одно интересное свойство ФЕ с семантикой клеветы. Они могут употребляться не только в качестве репрезентантов клеветы как таковой, но и для объективации «заслуженной» порчи репутации, когда объект действительно совершил нечто нелюбимое: • ...вы можете строить из себя образцово-показательную жену..., но вы должны помнить, что я могу рассказать о вас множество нелюбимых вещей. – И что конкретно я должна делать, чтобы вы *не поливали меня грязью?* – спросила Ирина, стараясь скрыть дрожь в голосе [4: 185]. • Her name was *dragged through the mud* after she admitted offering money in return for votes [7: 109]. • Unsolide Spekulationen hatten die Maklerfirma *in Verruff gebracht* [9: 817]. Примечательно, что при этом не происходит изменения коннотации – она может лишь «перенаправиться» (смещение акцента на актуализацию вины самого объекта). Вместе с тем объективируются те же последствия, что и у клеветы, та же эмоциональная реакция (чувства страха, гнева и т.п. и корреляция с концептами «Опасность»,

«Вред», «Разрушение») и та же негативная оценка. Таким образом, очевидна тенденция к превалированию оценочной категоризации разглашения негативной информации по признакам злонамеренности и разрушительных последствий и концентрации негативного отношения на субъекте.

Перейдём к рассмотрению второй фразеосемантической группы. Она представлена идиомами *выносить сор из избы*, *стирать чьё-л. грязное белье* (РЯ), *to spill the beans*, *to come out in the wash* (АЯ) *etw. an die große Glocke hängen*, *schmutzige Wäsche waschen* (НЯ), объединёнными семантическим инвариантом разглашения информации семейного, интимного характера (особенно негативной), а также сведений, доверенных в качестве секрета. В целом все ФЕ данной группы несут фиксированную отрицательную оценку; контексты часто объективируют болезненные, разрушительные последствия разглашения информации: • “It was Elsa who insisted on *spilling the beans*... but she did at least want to be honest”. “A lot of additional pain and grief is caused by honesty” [7: 67]. • Er hoffte, dass die Presse den peinlichen Zwischenfall nicht *an die große Glocke hängen* wurde [9: 286]. Однозначное осуждение вызывает разглашение чужого секрета; такие ситуации чётко актуализируют ассоциативную связь с концептом «Предательство».

Особой экспрессивностью и эмоциональным зарядом характеризуется идиома РЯ *стирать чьё-л. грязное белье/рыться в чьём-л. грязном белье*, имеющая абсолютный эквивалент в НЯ (*j-s schmutzige Wäsche waschen*) и близкий – в АЯ (*to come out in the wash*) со значением «выискивать и придавать гласности неприглядные (или просто интимные, тайные) факты, стороны жизни другого человека». Образные ассоциации тесно связывают эти ФЕ с концептами «Разрушение», «Предательство», а потенциальные смыслы искажения информации обуславливают категоризацию таких действий как клеветы, хотя в формально-логическом плане они ею не являются. Характерные чувства – неприязнь, гнев, отвращение, возмущение: • Вы не расследование проводите, а *копаетесь в грязном белье* и упиваетесь этим [2: 594]. • Die Parteiführer verständigen sich darüber, dass man wegen den Spendenaffäre keinesfalls im Parlament *schmutzige Wäsche waschen* werde [9: 842].

Заслуживает внимания культурно-специфическая идиома РЯ *выносить сор из избы* («рассказывать о ссорах, неприятностях, имеющих место в семье, между близкими»). Идиома ведет происхождение от древнего суеверия, согласно которому мусор следовало сжигать в печи, а не выбрасывать за порог, поскольку злой человек мог наслать беду, произнеся над мусором магические слова. Табу, отражённое во внутренней форме этой ФЕ, сохранилось до наших дней, трансформировавшись в понятия «неприлично», «не принято»: • – Вы правы, я веду себя глупо. Но в нашей семье не принято *выносить сор из избы*. Я привык скрывать Ларино... пристрастие... [4: 291]

Отметим, что наиболее частотную представленность права на сокрытие информации демонстрирует АЯ. Здесь также имеется культурно-специфическая поговорка *Let sleeping dogs lie* (*Не буди спящую собаку*), репрезентирующая потенциальную опасность выявления и разглашения определённой информации. Интересна также безэквивалентная поговорка *Ask no questions*,

and you will be told no lies. Данная ФЕ эксплицирует характерную для носителей британской культуры установку – неприемлемость вмешательства в частную жизнь человека и его право не говорить о своих чувствах, намерениях и поступках (или даже дезинформировать спрашивающего).

Таким образом, ключевыми межкультурными универсалиями, выявленными в ходе нашего исследования, можно считать способы образной и оценочной категоризации разглашения информации. Образная категоризация клеветы осуществляется посредством прототипической ситуации, связанной с грязью, дурным запахом, агрессией, ущербом. Эти ассоциации носят архетипический характер и осуществляют корреляцию с негативными концептами «Вред», «Разрушение», «Опасность», «Предательство». Специфика внутренней формы идиом также обуславливает высокую степень их межязыковой эквивалентности и резко негативную коннотацию. Роль контекста заключается в актуализации наиболее характерных аспектов восприятия клеветы – практического (последствия в социальной и профессиональной сфере) и эмоционально-нравственного. Социокультурная специфика выражается в доминировании второго аспекта в РЯ, эксплицируемое в основном контекстуальной информацией, и первого – в НЯ, где чётко актуализируется ценностная ориентация на сохранение репутации и социального положения. Анализ идиом, репрезентирующих ситуации разглашения информации секретного, семейного или интимного характера, показывает высокую степень эмоциональности восприятия у носителей РЯ, объективируемую контекстуально, и идею права на сокрытие информации по личностным мотивам в АЯ, выраженную в высокой частотности соответствующих контекстов и наличии специфических паремий. Также важно отметить, что в обыденном сознании оценочная категоризация разглашения интимной или порочащей человека информации зачастую мало зависит от её объективного содержания (истинности/ложности).

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: ООО Изд-во «Эллипс», 2008. – 271 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 784 с.
3. Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка): дис. ... докт. филол. наук. – Астрахань, 2008. – 384 с.
4. Маринина, А.Б. Чужая маска: Роман. – М.: Локид, 1996. – 416 с.
5. Устинова Т.В. Олигарх с Большой Медведицы. – М.: Эксмо, 2008. – 352 с.
6. Cambridge Idioms Dictionary. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 505 p.
7. Christie A. Five Little Pigs. – New York: Berkley Books, 1984. – 216 p.
8. Eismann W. Jenseits der Weltbild-Phraseologie. Vergessene psychoanalytische Perspektive in der Phraseologie // Aspekte europäische Phraseologie. – Hohengehren, 2001. – S. 107-122.
9. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – Mannheim: Duden Verlag, 2002. – 955 S.
10. Scottoline L. Killer Smile. – London: Pan Books, 2004. – 436 p.

11. Zinken J. Metaphors, Stereotypes and the Linguistic Picture of the World: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin [Electronic resource] – 2004.– P. 115-136. – Mode access: <http://www.metaphorik.de/07/zinken.pdf>

Чавыкина Ю. О.

аспирант, НИУ «БелГУ», Россия

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Данная статья посвящена анализу некоторых изменений в словарном составе русского языка нового времени. Автор уделяет особое внимание рассмотрению новейших языковых процессов – неологизации и пассивизации, а так же обращается к социологическому и историко-культурному контексту. Статья адресована студентам-филологам, аспирантам историко-филологических факультетов и преподавателям общеобразовательных, средних и высших учебных заведений.

Ключевые слова: русский язык, лексика, лексикография, семантика, национальный язык.

Chavykina J.

Belgorod National Research University, Russia

SOME CHANGES IN THE VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE NEW TIME

This article analyzes some of the changes in the vocabulary of the Russian language in the new time. The author pays special attention to the latest linguistic processes – neologization and passivization, as well as appeals to the sociological and historical-cultural context. The article is addressed to students-philologists, graduate of History and Philology and teachers of secondary and higher education institutions.

Key words: russian language, vocabulary, lexicography, semantics, the national language.

В настоящее время перед лексикографами остро стоит необходимость создания словарей и справочников, которые наиболее полно отражали бы состояние лексической системы русского языка последнего десятилетия. Это вызвано, по нашему мнению, не только подвижным характером самой лексики, но и некоторыми историко-культурными факторами, а именно постепенным «стиранием» из генетической памяти народа многих слов, отражающих реалии отечественной истории. Следствием этого может стать отдаленность классического наследия литературы и публицистики предшествующих периодов духовной культуры россиян.

Чтобы избежать этого, необходимо знать и понимать прошлое нашей страны. В лингвистической науке широкое распространение получила точка зрения, согласно которой проникнуть в мировоззренческую систему прошлых веков можно через изучение языка конкретной эпохи. Академик В. В. Виноградов писал по этому поводу: «Формы мировоззрений также